

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1	
Бегство капитана Т. и Наль в Лондон и их свадьба	8
Глава 2	
О чём молился пастор. Воспоминания Дженни	80
Глава 3	
Письма Дженни, её разочарование и внутренняя борьба	101
Глава 4	
Важное событие в семье графа Т. на балконе у Наль	122
Глава 5	
Скачки	144
Глава 6	
Болезнь и смерть пастора. Его завещание	164

Глава 7	
Болезнь Алисы.	
Письмо Флорентийца к Дженни.	
Воспоминания Николая	207
Глава 8	
Чтение завещания	
в доме пастора	234
Глава 9	
Второе письмо лорда Бенедикта к Дженни.	
Тендль в гостях у лорда Бенедикта	257
Глава 10	
Мистер Тендль	
держит слово.	
Генри Оберсвоуд	283
Глава 11	
Генри у лорда Бенедикта. Приезд капитана Ретедли.	
Поручение лорда Бенедикта.	321
Глава 12	
Дория, капитан	
и мистер Тендль в Лондоне	369
Глава 13	
Леди Цецилия Ретедли в деревне	
у лорда Бенедикта	400
Глава 14	
Джеймс Ретедли и Лиза у лорда Бенедикта.	416
Глава 15	
Дженни и её жених. Свадьба Дженни.	454

Глава 16	
Судебная контора. Мартин и князь Сенжер	499
Глава 17	
Мать и дочь. Джеймс и Ананда. Ананда и пасторша.	
Жизненные планы Николая и Дории	527
Глава 18	
Вечер у лорда Бенедикта. Свадьба Лизы	
и капитана	563
Глава 19	
Жизнь Дженни и её попытки увидеться	
с матерью и сестрой	590
Глава 20	
Последние дни лорда Бенедикта и его друзей	
в Лондоне. Тендль. Исповедь и смерть Мартина.	
Ещё раз музыка. Прощальные беседы	615
Глава 21	
Дженни и её встреча с сэром Уоми	645

Глава 1

БЕГСТВО КАПИТАНА Т. И НАЛЬ В ЛОНДОН И ИХ СВАДЬБА

Наль спешно покинула сад возле дома её дяди Али Мохаммеда и в сопровождении двух слуг, одним из которых был её двоюродный дядя в одежде слуги, а также кузена Али Махмуда и капитана Т., спряталась в доме капитана, где никогда ещё не бывала и даже представить себе не могла, что такое когда-нибудь произойдёт. Она выросла в непростой обстановке; с одной стороны, её подавляли гаремные традиции, а с другой — она имела возможность приобщаться к европейскому образованию и жизни цивилизованного и культурного общества, которые открыл ей Али Мохаммед, боровшийся против затворничества женщин повсюду, где только мог.

У Наль всегда были европейская одежда и обувь, к которым её, как бы играя, приучал дядя Али, вызывая тем самым негодование её старой тётки и синклита из муллы и его фанатиков-правоверных. Поэтому в доме капитана девушка без труда переделалась в костюм, приготовленный для неё

дядей. Смеясь, она закутала молодого Али Махмуда в свой розовый свадебный халат и драгоценные покрывала. Она не плакала при расставании с братом, только обняла его, хотя в глазах обоих блестели слёзы.

— Мужайся, Наль. Все случилось не так, как я предполагал, но... будь счастлива, вспоминай иногда меня и верь: если дядя Али сказал — так оно и должно быть. Если он тебя отдал в жёны капитану Т. — значит, таков твой путь. А счастье зависит от тебя. Не бойся ничего. Иди по жизни радостно и старайся до конца понять, зачем дядя создаёт тебе другую жизнь. Одно только помни: нам с тобою дан единый завет — верность до конца. Будь верна капитану так же, как ты верна дяде Али. И ты везде победишь.

Голос молодого Али дрожал, лицо было вдохновенно и прекрасно. Оно сейчас жило. Ничто в нём не напоминало маски того полумёртвого существа, которое с отчаянием смотрело, как Наль подаёт капитану цветок.

— Время. Прощай, сестра. Я всегда буду тебе верным другом, и нет между нами ни расстояния, ни разлуки.

Взяв пару крошечных туфельек Наль в руки, завернувшись в её покрывало, Али выскользнул из дома и пропал во тьме.

Насколько просто было для Наль переодеться в европейскую одежду, настолько же трудно было ей побороть привычку носить паранджу и оставаться среди мужчин с открытым лицом. Когда капитан Т. постучал к ней и спросил, можно ли войти, ей было страшно ответить согласием. Увидев её в простом синем английском костюме и с распущенными до пола косами, перевитыми жемчугом, он пришёл в ужас.

Поняв, как нелепо она выглядит и как её выдают её косы, Наль не дала изумлённому капитану опомниться и отхватила ножницами свои косы до пояса. Она уложила их вокруг головы и надвинула глубоко на лоб шляпу.

Закутав её ещё в лёгкий шёлковый плащ сверху, капитан сказал:

— Унося отсюда дивный образ Али, мы пред ним — муж и жена, Наль. Мы оба повинемся ему, и оба будем до конца дней верны ему. Мы уходим без него, но он с нами. Если вы идёте без страха, мы победим и выполним поставленную нам задачу.

— Я не испытываю страха, капитан Т. Я его не знала никогда. Я ваша жена перед дядей и Богом. И верность моя Богу — это верность дяде и вам, — спокойно ответила Наль.

Слуги вынесли их небольшие чемоданы и уложили в коляску. Лошади сразу пошли быстрой рысью, и Наль стала привыкать к темноте.

— Я ни разу не была ночью на улице, даже за воротами сада, — шепнула Наль сидевшему рядом с ней капитану, которого еле узнавала в непривычной штатской одежде.

— Перейдём на английский язык, Наль. Теперь вы — жена лорда Т. Старайтесь держаться высокомерно до глупости, как вы читали в английских книгах. Вот вам густой вуаль. — И капитан помог Наль обвязать вокруг шляпы и спустить на лицо довольно плотный синий вуаль.

— Как это приятно, — засмеялась Наль. — Разыгрывая из себя гордую даму, я избавлюсь от назойливых разговоров.

— Не забудьте опираться на мою руку и до самого отхода поезда изображайте из себя великую даму-икону, для которой на свете существует три рода рабов разных социальных ступеней: я — муж и первый раб — достаиваюсь разговора. Ваш дядя — нечто вроде секретаря — второй раб, к которому снисходят до признания его человеком. А слуга — третий раб, кому только кивают или указывают жестами. Так живут всю жизнь знатные дамы. Так постарайтесь прожить одну-две недели, пока не выберемся на свежий воздух и не кончится наиболее скучная часть нашей жизни.

Наль не успела ответить, экипаж подкатил к освещённому вокзалу. Лорд Т. вышел первым, подал руку своей закутанной супруге и послал секретаря взять заранее заказанные билеты. Через несколько минут подошёл поезд, секретарь и слуга устроили своих господ в разных купе и прошли в другой вагон, где ехали сами.

Когда поезд тронулся, лорд лично пришёл посмотреть, как чувствует себя его супруга, любезно пожелал ей доброй ночи и сказал, что утром придёт её проведать. Все было так чуждо Наль, так незнакомо и неудобно. Личико у неё было такое растерянное, что лорд-муж спросил, уже выходя в коридор, не нуждается ли его супруга в секретаре. Обрадовавшись возможности побыть с дядей, Наль просила прислать его немедленно. Лорд послал за ним проводника и оставался в коридоре, перекидываясь со своей супругой малозначительными фразами до тех пор, пока не явился секретарь.

— Графиня желает написать несколько писем, у неё бессонница, — сказал лорд секретарю, который низко поклонился и вошёл в купе графини. Поцеловав руку жене, лорд, закрывая двери, шепнул мнимому секретарю: — Оставайтесь до шести часов. Я займу ваше место утром, а вы отдохнёте у меня в купе. Дайте Наль спать, сами дежурьте.

Вернувшись к себе, капитан Т. лёг на диван и, приказав себе — как это делал уже много лет — проснуться в шесть часов, мгновенно заснул.

Наль спать не могла. Всё её поражало. Дяде пришлось объяснять ей всё устройство вагона. Он рассказал ей также про весь их путь до Петербурга и описал, как выглядит гостиница в Москве.

— Не знаю, будем ли мы останавливаться там. Думаю, что нам надо мчаться во весь дух, чтобы как можно скорее быть в Лондоне, — говорил дядя-слуга.

— А как туда доедем?

— Сядем на пароход на Неве. Теперь установлено прямое водное сообщение. Через семь дней будем в Лондоне.

— Как? Семь дней будем ехать морем? — с удивлением сказала Наль.

— Да, морем. Я, к сожалению, плохо переношу поездки по морю. Придётся капитану Т. самому караулить на пароходе свою знатную жену, — смеялся дядя. — Но мы с тобой выходим из ролей барыни и слуги. Чтобы тебе свыкнуться со своей ролью, важная дама, приступай к ночному туалету. В чемодане ты найдёшь лёгкое платье. Я посижу у окна, ты переоденься и ложись спать.

— Нет, дядя, спать немислимо. Я могу лечь, если ты желаешь. Но ведь от мыслей лопнет голова, если я хоть половины их не додумаю до конца.

Когда через час дядя окликнул племянницу, ответа он не получил. Старик улыбнулся и принялся за чтение. На его безмятежно спокойном лице старого философа не было заметно ни малейшего волнения. Ничто, казалось, не нарушало его равновесия. Он был таким же спокойным и трудо-способным сейчас, как и в привычной мирной обстановке своего окружённого виноградником дома, где он оставил многочисленную семью. Книга и делаемые им при шатком свете свечи заметки помогли ему не замечать мелькавших мимо станций. Он с удивлением поприветствовал капитана, тихо вошедшего в купе.

— Говорила, что спать не сможет, — лукаво улыбаясь, шёпотом сказал лорду Т. секретарь. — А вот и непривычная тряска, и стук колёс — все молодости нипочём.

Секретарь отправился в купе своего господина, а последний устроился на соседнем с Наль диване.

Наль всё спала, по-детски подложив ручку под щёку. Капитан заботливо закрыл щёлку в занавеске окна, через которую к волнистой головке уже подбирался солнечный

луч, и снова сел на своё место. Он впервые видел Наль с закрытыми глазами. Чёрные длинные ресницы бросали тень на розовые щёки, прелестные губы улыбались. Эта почти детская жизнь принадлежала ему. Ещё вчера он считал невозможным не только быть соединённым брачными узами с Наль, но даже пройти жизнь вблизи от неё. А сегодня он едет с нею, получив её из рук Али. Едет, чтобы жить и трудиться, свободно любя её перед всем миром.

«Счастлив ли человек, если несёт ответственность за две жизни?» — думал капитан.

Отдавая ему Наль в жёны, Али сказал, что капитан теперь ответственен за две жизни, ибо Наль дитя, а он не только муж, но и первый друг-воспитатель.

«О да, — продолжал свои мысли капитан, — выше той любви, в которой человек согласен нести ответственность за жизнь любимого, и быть не может. Али доверил мне часть самого себя. Я должен продолжать его дело и помочь Наль раскрыть в себе все силы жизни».

— Дядя, знаешь, даже лень глаза открыть. А я хвалилась, что половину мыслей додумаю, — проснувшись, сказала вдруг Наль. — И знаешь, очень странный мне снился сон. Я всё время видела во сне капитана Т., и мне казалось, что это он сидит рядом, а не ты. И что я его жена, и что нас венчают по-европейски. Правда, смешно?

— Не очень, Наль.

Наль вскочила с дивана в полной растерянности.

— Как же это случилось, что вы здесь, а я сплю? — огорчённо сказала девушка.

— Мне не хотелось будить вас, а дяде надо было отдохнуть. Не смущайтесь. Надо привыкнуть играть роль моей жены. Не забывайте, что мы беглецы, и от нашего самообладания зависит, насколько талантливо мы сыграем свои роли, чтобы тем самым спасти наши жизни. И не только

наши, но и всех тех, кто помогает нам в целом ряде мест одновременно в эти минуты. Трудно вам, Наль, путешествовать в первый раз в жизни, и особенно без женской помощи. Будем вместе стараться вести себя так, чтобы нас принимали за знатных и влюблённых супругов. Сейчас постарайтесь причесаться. В парикмахеры я не гожусь, хотя гримёр я хороший. Но критиковать вашу причёску — берусь.

— Если вы будете тихо сидеть у окна, капитан Т., я постараюсь причесаться так, как видела на модной картинке у дяди Али. Только не смотрите на меня, пока я не скажу.

— Не смотреть на ваши парикмахерские таланты до сигнала я берусь. Но на модную картинку — не согласен. Вы лучше выньте из волос все украшения и положите косы вокруг головы, как вчера.

— Как? Все, все украшения вынуть? Разве европейские женщины не носят украшений? Это очень скучно.

— Носят, Наль. Но в волосах они их носят только на балах и званых обедах, очень изысканно и умеренно. Такие предметы туалета, как шляпы и меха, используются в соответствии с условностями моды. Иная шляпа надевается только утром, другая — после обеда, а есть шляпы, которые носят только в пути.

— Как же это всё постичь, чтобы не сделать бестактности и не осрамить дядю Али или вас, капитан Т.? — с уморительной детской серьёзностью спросила Наль.

— Я думаю, Наль, что вам, постигшей такие большие духовные задачи и не менее трудные математические истины, не трудно будет понять внешние условные правила цивилизации того нового народа, среди которого мы будем жить. Для начала снимите весь жемчуг с кос и ваши драгоценности с шеи и ушей. Они чрезмерно ценны для поезда. Вы, наверное, найдёте среди уложенных вам в дорогу вещей ка-

кие-нибудь маленькие, скромные серьги. А волосы в дороге не украшаются ничем.

— Как странно. У нас именно в дорогу и надевается всё самое драгоценное, — ответила Наль.

Довольно долго капитан сидел, отвернувшись к окну, думая, как трудно будет Наль привыкать к новой жизни, на каждом шагу натываясь на затруднения.

— Ну вот, я готова, — услышал он за спиной.

Наль стояла перед ним в белой блузке и синей юбке. Волосы её были гладко причёсаны на пробор и уложены вокруг головы. Казалось, этой прелестной головке было тяжело выносить тяжесть заплетённых в косы волос, а непривычка к шпилькам заставляла Наль всё время пробовать рукой, на месте ли её косы. Сквозь тончайший батист просвечивало розовое тело рук и груди. Выражение огромных глаз было радостным, доверчивым. В них не было ни одного облачка сомнений или сожалений о покинутом доме и родных. Ни малейшей тревоги о неизвестном будущем — ничего сейчас не было на лице Наль, кроме желания получить одобрение капитана своему внешнему виду.

Уверив её, что всё в ней не оставляет желать лучшего, капитан проводил свою жену в умывальную комнату и остался ждать её в коридоре.

Мысли о Лёвушке — до сих пор его единственном близком спутнике жизни и путешествий — пробежали облаком в сердце капитана. Лёвушка, возвратившийся с пира. Лёвушка, распечатавший письмо. Лёвушка, впервые пускающийся в жизнь без него...

«И здесь мой ответ за две жизни», — снова подумалось капитану.

Проводив Наль из умывальной комнаты обратно в её купе, лорд приказал проводнику позвать из своего отделения секретаря. Секретарь, человек опытный и немало путе-

шествовавший в жизни, устроил все дела по части завтраков и обедов на весь путь. Наль не знала никакого беспокойства насчёт этой стороны дела, всё подавалось супругам в их купе.

Первый день путешествия приходил к концу. Наль освоилась со своим новым бытом, и всё окружающее перестало её удивлять. Она больше не поражалась свободе обращения не закрытых паранджой женщин с мужчинами, но выходить из купе до полной тишины и темноты ночи она отказывалась. Без всяких приключений, сменяясь на дежурстве при ней, доехали наши путники до Москвы. Наль ни слова не спросила о том, как они минуют Москву, а очутившись в новом поезде на Петербург, чувствовала себя свободно.

Часто замечал капитан напряжённые мысли на её лице, но не мешал ей решать свои вопросы одной.

В переполненном петербургском поезде им пришлось ехать всем в одном купе, чему Наль, уже успевшая несколько привыкнуть к тому, что её лицо открыто, очень радовалась.

Она, казалось, не замечала встревоженного вида дяди в Москве, когда тот шёпотом что-то говорил капитану. Она была ровна и спокойна и в Петербурге, где их встретили двое незнакомых людей и очень торопили на пароход. Поражённая великим городом, она с сожалением сказала:

— Проехать мимо всех этих красот, не заглянув даже ни в один дом! Какая жалость, капитан Т.!

— Не зная хорошо языка народа, посмотреть бегло на его дома и галереи — это тоже жалость, Наль. Будет время, и вы ещё увидите много народов и всех красот, ими созданных, познакомьтесь с их жизнью и сможете, если захотите, вплести свой труд и красоту в их жизнь. Не спешите узнать всё сразу. Сейчас помните только, что вы — знатная дама, моя жена. Жизнь на пароходе, с его табльдотом, вам будет труднее поезда.

Наши пассажиры вошли на пароход со вторым гудком. И только когда пароход отчалил, Наль заметила, как разошлись суровые морщины на лице капитана и как легко вздохнул её дядя.

— Если бы здесь был дядя Али, — прошептала Наль капитану, — он рассказывал бы мне обо всём и видел бы во мне усердного слугу-помощника своим заботам. А ему я только племянница, а не жена.

— Упрёк ваш мне тяжёл, Наль. Особенно тяжёл потому, что и я, как Али, вижу в вас друга и помощника. Но пока мы не встретимся с Флорентийцем и не будем обвенчаны, я ничего не могу вам сказать. Даже того, куда и зачем мы едем.

— Если вы не говорите мне ничего только потому, что вы связаны словом, данным дяде Али, — я совершенно спокойна. Я думала, что вы уже не любите свою маленькую жену, которая ничего не знает, даже не понимает, как ей вести себя на пароходе.

— Простите, граф, что я прерываю вашу беседу с женой, — подошёл к капитану Т. капитан парохода, обращаясь к нему на английском языке и считая в порядке вещей, чтобы русский граф знал его язык. — Ваши места оказались врозь с вашей очаровательной женой, — кидая восхищённый взгляд на Наль и кланяясь ей, продолжал капитан парохода. — Но так как вы едете от места и до места, я могу предоставить вам самую лучшую каюту, в которую не явились пассажиры. Если вам угодно, я велю отыскать вашего секретаря и укажу ему каюту.

— Я чрезвычайно тронут вашей любезностью. Если вас не затруднит устроить нас вместе, а моё место передать моему секретарю, мы будем вам очень благодарны.

— Помилуйте, я сам предложил вам. Я буду очень счастлив служить вашей супруге и вам чем только могу в теч-

ние всего нашего пути, — ответил, снова галантно кланяясь Наль, капитан парохода.

— Как же мы с вами поедем вместе в одной комнате, капитан Т.? — подавляя волнение, сказала Наль.

— Ничего, друг, не беспокойтесь. Вы ещё не знаете, как будете выносить качку, ваш дядя её переносит плохо. Если окажется, что вы плохо переносите качку, то будет лучше, если братом милосердия при вас буду я, чем кто-либо чужой.

— Мне очень страшно здесь. Это гораздо хуже, чем поезд. И почему все так смотрят на меня? — тихо спрашивала Наль, стараясь скрыть смущение.

— Нельзя, немисливо быть такой прекрасной, Наль. И я даже не могу сердиться на этих людей, которые — от матросов до капитана и от юношей до стариков — как ошалелые смотрят на вас. Если бы я был на их месте и имел бы право только исподтишка смотреть на вас, а не откровенно вами любоваться, как я это делаю сейчас, я бы вёл себя точно так же. А потому не могу на них сердиться.

Наль вспыхнула, улыбнулась мужу и сказала:

— Услышать это от вас сейчас — большая поддержка для меня. Мне так много пришлось передумать за эти дни. У нас не такие обычаи, как у вас. У нас всё иначе между мужем и женой. Я думала, что вы уже недовольны, что уехали со мной.

— Когда мы очутимся в каюте, а не здесь на ветру, вы мне всё расскажете, что надумали, Наль. А пока укройтесь, пожалуйста, плащом, да, кстати, опустите и вуаль, чтобы непривычный ветер не испортил вам кожу.

— Или непривычная ревность не испортила сердце вашему мужу, — низко кланяясь графине, сказал подошедший секретарь. — Ваши каюты готовы, лорд, и даже украшены цветами, по приказанию капитана. Кроме того, ваши

друзья из К. успели прислать графине два сундука с бельём и платьем, которые тоже уже стоят в каюте.

Капитан парохода, человек лет сорока, хороших манер и, очевидно, доброго характера, сам шёл уже навстречу обротившей на себя всеобщее внимание чете и проводил её до каюты.

— Вот так красавец-мужчина, — сказала своей подруге разряженная дама.

— Всю жизнь прожил — подобной живой красавицы-женщины и представить себе не мог, — говорил приятелю ловелас с моноклем в глазу и тросточкой в руках.

— Ну вот, придумали, — возразила дама. — Муж — это да! Это мужчина! И где только мог вырасти такой красавец. А жена — смазливенькая, каких много.

— Это возмутительно, что вы говорите. Рост, пропорциональность, крошечные ручки и ножки, свежесть кожи — ну а уж глаза — это само небо, — продолжал фронт.

Тем временем, как только пароход вышел в открытое море, Наль почувствовала себя плохо.

— Немедленно ложитесь в постель, — сказал граф, на руках внося Наль в каюту. Он позвонил горничной. — Вам сейчас помогут лечь. Примите эти пилюли. Не волнуйтесь. До больших неприятностей дело не дойдёт. Но вряд ли вам придётся своей красотой побеждать сердца попугачиков за табльдотом. Думаю, самое большее, вы доконаете капитана, сидя в кресле на палубе в тихие дни.

— Не смейтесь надо мной, капитан Т. Мне так горько, что вы больше ни разу не взглянули на меня за это время.

— Напротив, Наль, я всё ловил себя на том, что только и делал, что смотрел и думал о вас. А, видит Бог, было ещё много о чём думать.

— Неужели вы уйдёте на этот ужасный табльдот и оставите меня одну?

— Нет, конечно. Я сейчас поищу в вашем сундуке, там, наверное, найдётся какой-либо очаровательный халат. Вы снимете своё платье и будете лежать, изображая загадочную принцессу, скрываемую в каюте Синей Бороды. Но прежде всего я велю принести апельсинов, а вот вам в помощь идёт девушка.

— О, только девушку не надо. Апельсин я очень хочу, ванну и постель — тоже. Но раздеваться и одеваться я дала себе слово всегда сама. Я вижу, как это плохо — быть приученной иметь семь нянек.

Капитан Т. отправил девушку за фруктами, открыл сундук и, к восхищению Наль, достал ей прелестный тёплый халат. Бедняжка страдала от северного лета и ветра. Как ни помогали ей лекарства, но всё же ей пришлось пролежать всё путешествие, изредка сидя в кресле на палубе в солнечные дни.

— Если бы вас не было со мною, я бы умерла от этих дождей и туманов. Это хуже тюрьмы. Но так как вы здесь, то всё мне кажется уютным, даже этот шум ливня, — говорила Наль графу.

Капитан сидел возле Наль, держа её ручки в своих и стараясь помочь ей переносить тяжёлую качку.

— Мы встретим в Лондоне одного друга дяди Али, Флорентийца, — сказал однажды капитан.

— Флорентийца? Это что? Его имя?

— Так его все зовут, а имени его ни я, ни кто другой не знает. Когда вы увидите его, Наль, вы поймёте, что такое красота.

— Это очень странно. Дядя Али — красавец. Али Махмуд — красавец, ещё лучше. Вы, — зарделась Наль, — всех лучше. Разве можно быть красивее вас?

— Я спрошу вас об этом в Лондоне, — засмеялся граф, — после встречи с Флорентийцем.

Наконец мучениям Наль настал конец. В одно прохладное, туманное утро пароход подошёл к пристани, доставив в Лондон совсем больную Наль, измученных секретаря и слугу и совершенно здорового графа Т. Загар с его лица почти сошёл от постоянного сидения в каюте с больной женой, недомогание которой выражалось в такой слабости, что к концу путешествия она уже не могла вставать. От этого его лицо, блондина с вьющимися светлыми волосами и тёмными, очень красивыми дугами бровей, только выиграло.

Поручив вещи носильщикам и уговорив секретаря побыть со слугою на пароходе, пока он за ними не вернётся вторично, граф подошёл к самому парапету, пристально вглядываясь в ожидавшую на берегу толпу. Сначала на его лице, кроме напряжения и разочарования, ничего не выражалось. Но когда половина пассажиров уже сошла, внезапно лицо его просияло и, обменявшись с кем-то приветственным жестом, он быстро прошёл в свою каюту. Оставив в ней своих секретаря и слугу, граф пошёл попрощаться с капитаном и попросил разрешения оставить на четверть часа в своей каюте больного секретаря со слугой, пока он не посадит в киб жену и не вернётся вторично за своими спутниками, столь ослабевшими, что без его помощи они не смогут добраться до гостиницы.

Получив не только разрешение, но и полное сочувствие и предложение всякой помощи, граф укутал жену в плащ и понёс её на руках на берег.

— Привет тебе, Николай. Я очень рад, что вовремя поспел. Но, как ни спешил, тебе всё же пришлось ждать меня, — услышала Наль английскую речь очень приятного, мягкого по тембру, довольно низкого голоса.

— Поверьте, я ждал бы до самого конца разгрузки парохода, раз вы приказали мне ждать вас здесь.

— Это на тебя похоже! Во всём, всегда и везде можно быть уверенным, что ты всё выполнишь точно, раз приняв приказ, — снова сказал тот же голос. — Не тревожься о Наль, дай мне её на руки и веди своих инвалидов. Видишь у сквера зелёную карету? Веди их прямо к ней.

Наль почувствовала, как другие сильные руки подняли её. Ей показалось, что человек, взявший её на руки, ростом много выше Николая, как назвал незнакомец её мужа. Ей хотелось сначала запротестовать и сказать, что она вовсе не так уж слаба, чтобы переходить с одних рук на другие. Но, едва коснулись её руки незнакомца, неизъяснимое чувство счастья, почти блаженства, охватило её.

— Отец, — невольно прошептала Наль. И — точно незнакомец подслушал шёпот её уст и сердца — его сильные руки ещё нежнее охватили её. Совсем как в детстве, спасаясь от глупых строгостей тётки на руках дяди Али, Наль почувствовала себя под надёжной защитой. Ей теперь даже не надо было видеть того, к чьему сердцу она так доверчиво приникла, — она чувствовала себя слитой с ним ещё крепче, чем с дядей Али.

Николай вернулся со своими спутниками, все разместились в экипаже и тронулись по серым и однообразным улицам, заполненным дымом и туманом. Ехали довольно долго, пока не выбрались на красивую, широкую улицу и остановились у подъезда двухэтажного особняка, окружённого садом с цветниками.

— Доверь мне донести твоё сокровище до комнат, отведённых тебе и ей, — обратился Флорентиец к Николаю. — А ты проводи своих друзей в две комнаты внизу, с левой стороны. И дай им немедленно лекарство, ты знаешь, какое и как. Часа три-четыре они проспят и после этого смогут кушать. Сам же, уложив их, приходи наверх. Услышишь наши голоса — на них и иди.

Легко, как будто Наль была куклой, Флорентиец вышел из экипажа, держа её на руках, сказал что-то на непонятном ей языке кому-то, очевидно слуге, и пошёл вверх по лестнице.

Наль было стыдно, что её несут как дитя. Ей было неловко обременять кого-то собой, и вместе с тем чувство необычайного счастья, радости и впервые познанной любви к отцу заставляло её сожалеть, что лестница не бесконечна, что уже пройдена одна площадка и скоро будет комната, где её поставят на ноги.

Положив её на диван, Флорентиец, смеясь, снял с её головы часть плаща и ласково сказал:

— Теперь посмотри на того, кого ты в мыслях уже признала отцом. Быть может, взглянув, ты не захочешь выговорить это слово? Или сердце твоё угадало раньше уст?

— О, как вы прекрасны, отец. Аллах, Аллах, как вы сияете! — прикрывая глаза рукой, сказала Наль. — О, отец, теперь я не смогу больше жить без вас! Позвольте мне поцеловать ваши руки. Мне кажется, первый раз в жизни я понимаю, что такое счастье. Здесь, подле вас, ничего не надо. Только бы исполнять вашу волю.

Наль соскользнула с дивана на ковёр и приникла к рукам Флорентийца, сидевшего на низкой табуретке у её изголовья.

— Встань, дитя, мы с тобой будем долго вместе. И я рад ответить полною любовью на твой зов. Будь моею дочерью, как твой муж, Николай, уже давно мой сын. И, называя меня отцом, ты только берёшь то, на что имеешь право. Вот, съешь эту конфетку, и через час ты будешь бегать не хуже, чем в саду дяди Али. Можешь ли ты объяснить мне и себе ясно: почему, будучи воспитана Али, обожая его, любимая им, ты назвала меня отцом и заявила своё право на это, прикоснувшись ко мне? Его же ты ни разу не назвала отцом.

— Это очень странно, отец. Действительно, всё, что до сих пор я имела в жизни, — всё от дяди Али. Всё через него. Всё — его заботами и даже борьбой и подвигом. Всё, всё, — зардевшись, говорила Наль, — и... капитан Т., которого ты зовёшь Николай, и даже встреча с тобой, отец, — всё только от него, от дяди Али.

Но выразить вряд ли смогу, почему моя любовь к дяде Али была не то что смешана со страхом, но... От него исходит такая сила. Он для меня так недосыгаемо высок, что почувствовать себя с ним так просто, как с тобой, я никогда не могла. Я всё время чувствовала, что между мною и им стоит огромная гора света, и проникнуть за неё я не могла. А когда встретила тебя, отец, то, даже ещё не видя, уже почувствовала, как мне просто и легко с тобой. Если теперь ты меня оставишь — я жить уже не смогу. Даже любовь Николая, если бы он любил меня, — горько вздохнула Наль, — меня не удержала бы на земле без тебя.

— Если бы Николай любил тебя, дочь? Что это значит? В чём ты сомневаешься?

— Нет, отец, я ни в чём не сомневаюсь. Если дядя Али послал меня сюда — значит, здесь и есть моя жизнь и судьба. Я встретила тебя и теперь понимаю, что дядя послал меня к тебе. Он только сказал, что мы с Николаем — муж и жена. Но, видно, иначе он отослать меня к тебе не мог.

— Но кто сказал тебе, что брак ваш не состоится? Что Николай тебя не любит?

— Никто не говорил. Только видишь, когда я стала невестой, перед брачным пиром тётка всё время объясняла мне, как муж обращается с женой, если он её любит. Но...

— Смейся, дитя, над всеми предрассудками мира, а особенно над теми утлыми понятиями, которые ты вынесла из гаремной жизни. Немного времени пройдёт, и ты поймёшь всю силу любви и преданности Николая тебе. Целую вер-

ницу жертв Николай принёс ради тебя, и ты их узнаешь. Будь с ним так же проста и открыта, как сейчас со мной. И ты поможешь и мне, и дяде Али. А помощь твоя и Николая нам прежде всего заключается в той новой, освобождённой семье, которую вы оба должны создать. Ну вот и муж твой. Сюда, Николай.

Приподняв портьеру, на пороге показался Николай.

— Ну конечно, я не сомневался, что Наль будет сразу поднята на ноги вашим волшебным присутствием, Флорентиец. Она так сияет, что мне не о чем спрашивать.

— Отец приказал мне звать вас Николаем. Мне хотелось бы назвать вас как-то иначе, как зовёт вас Лёвушка. Но я буду звать вас так, как зовёт отец, в честь его, в постоянную память о нём. У меня в ушах будут звенеть два голоса — его и мой собственный — каждый раз, когда я буду произносить: «Николай».

Флорентиец засмеялся, а на лице Николая выразилось удивление.

— Всё это хорошо, дочь моя, у нас времени впереди много, мы ещё обо всём поговорим. А сейчас тебе надо привести себя в порядок, принять ванну. Потом надо одеться к лицу и сойти вниз завтракать. Я приготовил тебе девушку-горничную. Она этой профессией никогда раньше не занималась, но жизнь её затрепала. У неё старушка мать и мальчик брат, которого надо учить. Найти же в Лондоне хороший заработок, чтобы содержать двух человек одной женщине, — почти невысказано. Я взял её к себе, чтобы куда-либо пристроить. Теперь, я думаю, лучше, чем к тебе, её и не пристроишь. Она знает языки, знает все правила этикета, у неё много вкуса. Она будет тебе полезна. Я её сейчас приведу.

Флорентиец скрылся так быстро, что Наль ничего ответить не успела. Тут в комнату вошёл один из слуг хозяина

дома, прося у Николая указаний, как разместить привезённые с пристани вещи.

Спустившись с лестницы, Флорентиец вошёл в чудесную комнату с балконом, обитую зелёными шёлковыми обоями и обставленную немногими старинными вещами. Шкафы с книгами и письменный стол были из светлого, золотистого дерева с инкрустацией из черепахи. Пройдя комнату, он вышел на балкон и позвал:

— Дория, пройди ко мне сейчас же.

В саду слышались поспешные шаги, и на дорожке к дому показалась высокая женская фигура. Женщина прошла через балкон в комнату Флорентийца.

— Садись, Дория. Ты просила меня помочь тебе. Ты сама знаешь, как много и при этом радостно Ананда для тебя сделал и как ты, дав обет беспристрастия и отказа от зависти, увязла в чувстве горечи. Знаешь, как тяжела теперь для тебя жизнь, ставящая тебя всё время в положение существа зависимого, второстепенного. На каждом шагу жизнь выбивает из тебя все крючки зависти и ревности.

— Да, жизнь была мне тяжела, когда я лишилась моего руководителя Ананды. Я страдала и до сих пор страдаю от сознания, что нанесла ему, моему милосердному поручителю, удар своими стрелами страсти и зависти. Но в вашем доме жизнь — более чем счастье. Моё сердце чисто. В нём теперь нет ни зависти, ни пристрастия, ни осуждения людям, я жду только, когда вы поверите до конца моей верности и укажете труд, который вы обещали мне дать. Я должна в этом труде доказать вам своё новое понимание счастья жить, служа вам, и этим снять с Ананды ответственность за себя.

— Уверена ли ты, что всякий труд, который я укажу тебе, ты будешь исполнять радостно? Что в тебе не прощутся опять гордость и чувство униженности или зависть и ревность к чужой блестящей жизни?

— Я уверена. Уверена даже не в себе, не в своих качествах. Я уверена в истинной любви к человеку, проснувшейся во мне.

— А если бы я предложил тебе стать слугой у юной, прекрасной, как мечта, женщины? Служить ей горничной и даже нянькой, потому что она неопытна, как дитя. Быть ей незаметно наставницей в манерах и одежде, потому что она азиатка, и не только не знает света, но и вообще не видела европейской жизни. Как отнеслась бы ты к такому труду?

— Служа ей, я служила бы вам. Служа вам, я искупила бы грех перед Анандой и вернулась бы к нему.

Долго, долго смотрел на Дорию Флорентиец. Так долго, что у женщины участилось дыхание. Точно до самых глубин её души проникал его взгляд и читал в ней не только её теперешнее состояние, но и всю её будущую жизнь и возможности. Наконец он встал, улыбнулся и сказал ей:

— Слово твоё сейчас — твоя подпись в веках. Я даю тебе свою подпись под твоим новым обещанием. Дитя, за которым я поручаю тебе уход, — это надежда не только моя, но и многих. Я не знаю, насколько великодушна будет она вначале к тебе, и будет ли вообще.

— Я буду великодушна к ней. Благословите меня, Флорентиец, я думаю, что больше не поскользнусь, под какой бы личиной ни стремилось проникнуть в меня зло.

Дория опустила на колени, прижала к губам дивную руку Флорентийца, который положил ей на голову свою вторую руку.

— Пойдём, она ждёт, — сказал Флорентиец, поднимая Дорию.

Дория отёрла влажные глаза и казалась удивлённой.

— Да, это здесь, в моём доме, и тебе никуда уезжать не надо.

— Какое счастье! — радостно воскликнула Дория.

Флорентиец направился к выходу и, оглянувшись в дверях, сказал ей, улыбаясь:

— Привыкай к роли служанки-горничной и учись ходить позади своих госпожи и господина.

Войдя к Наль, он подвёл к ней Дорию и сказал:

— Вот горничная, что я тебе обещал, дочь. Её зовут Дория.

— О, какое красивое имя, не менее красивое, чем вы сами, — подымаясь с дивана и положив руку на плечо Дории, сказала Наль.

Дория поднесла к губам руку своей новой хозяйки и сказала, что будет стараться служить ей всей верностью, как только сумеет.

— О, Дория, как огорчили вы меня. Зачем вы поцеловали мне руку? Я возвращаю вам поцелуй, — и раньше, чем кто-либо успел опомниться, Наль поцеловала руку сконфуженной Дории.

— Я не знаю света, Дория. Но дядя Али научил меня понимать, что нет в жизни слуг и господ, а есть люди, цвет крови которых одинаково красен. Не слугой вы будете мне, но другом, наставницей в тысяче новых для меня вещей, которых я не знаю. Отец, я уже успела осмотреть комнаты, которые вы отвели мне. Куда мне столько комнат? Можно Дории жить в прелестной угловой комнате, выходящей в сад? Я бы так хотела, чтобы ей было легко и весело со мною.

— Ты маленькая хозяйка и своих комнат, и Дории. Поступай как хочешь. Боюсь, что своим восточным очарованием ты не только меня с Николаем, но и весь дом скоро заберёшь в плен, — шутил Флорентиец. — Но времени теперь не теряй. Готовься и приходи завтракать по звуку гонга. Он даётся за четверть часа до каждой еды.

С этими словами хозяин дома ушёл, уводя с собой Николая.

— Дория, друг. Я совсем ничего не умею делать и не знаю, что в этих сундуках. Они открыты, но что выбрать, чтобы нарядно и подходяще к случаю одеться по вашим правилам, я не понимаю.

— Не беспокойтесь, графиня, ванна уже готова, я усажу вас в неё и вернусь выбрать подходящие туалеты. Вы наденете тот из них, который вам больше понравится. Если же не понравится ни один, вы примиритесь с ним пока, а потом мы поедem в город и купим всё, что будет нужно.

— Дория, у нас не принято, чтобы девушки звали свою хозяйку иначе как по имени. Прошу вас, когда мы одни, зовите меня Наль, как делается в нашей стране. Если же по требованию здешних приличий надо меня величать титулом, то делайте так только на людях.

По выходе из ванны, освежённая, прекрасная, точно весенний цветок, Наль с восторгом ребёнка рассматривала приготовленные ей Дорией три платья.

— Эти все годны для завтрака, — сказала горничная, усаживая свою госпожу перед большим зеркалом. — Господи, как вы прекрасны, — сказала она, распуская её роскошные волосы.

Кто-то постучал в дверь, и подошедшей Дории восточный слуга сунул в руки узелок, завязанный в чудесный персидский шёлковый платок.

— Для Наль, — сказал он и ушёл.

Наль развернула узелок, и оттуда выпали две косы, перевитые жемчугом, с драгоценными наконечниками на концах, отрезанные ею в комнате капитана Т. в день бегства из К. Там же было и роскошное покрывало.

— Что это? Это точь-в-точь ваши выющиеся волосы.

— Они самые и есть. На них не налезала шляпа, да они и выдали бы меня своей длиной. Даже у нас, где много женщин с хорошими волосами, мои косы до полу всех

удивляли. Вот я их и отрезала, — спокойно беря косы, ответила Наль.

— И вам не жаль было лишиться себя такой исключительной красоты?

— Ах, Дория. Красота — это так условно. До сегодняшнего дня я думала, что мой муж красивее всех на свете. А сегодня поняла, что красота может быть ещё и божественно прекрасна.

— Да, — засмеялась Дория, — я согласна, что вы божественно прекрасны и никакая богиня Олимпа вам не страшна. Но разрешите мне причесать вас по моде, а то мы все гонги пропустим.

Уложив волосы Наль большим узлом на затылке, спустив по бокам небольшие локоны её вьющихся волос, Дория укрепила в волосах большой гребень из жёлтой черепахи, отысканный в её вещах, и такие же шпильки, отделанные мелкими бриллиантами. Наль стала выбирать платья.

— У нас надевают много халатов один на другой. По вашему обычаю, нельзя надеть их все три вместе? Они так прекрасны.

— Нет, никак нельзя, — смеясь, разводила руками Дория. — Надо решиться на какое-нибудь одно.

— Как жаль, — так серьёзно сказала Наль, что Дория снова покатилась со смеху. Наль вторила ей и, наконец, выбрала и надела платье из золотистого мягкого шёлка, отделанное у шеи и рукавов кружевом. Тонкая, высокая шея, выходящая из едва открытого ворота, короткие рукава — всё изменяло Наль до неузнаваемости.

— Я вижу, вернее, слышу, что вы превесело одеваетесь. Можно войти?

— Ах нет, никак! — закрывая обнажённую шею руками и ища, чем бы прикрыть голые руки и фигуру в обтягивающем платье, вскрикнула Наль, узнав голос Николая.

— Как нельзя? Да ведь вы совершенно готовы, — входя, удивился Николай, видя свою жену в полном туалете.

Наль, закрывая всё так же шею, с полными слёз глазами стояла перед ним.

— Что случилось, Наль? Кто вас обидел? В чём дело? Я только что хотел сказать вам, как вы необычайно хороши в этом платье, но ваши слёзы расстроили меня, я даже забыл, с чем пришёл.

— Ну, уж я понял, что без меня здесь не обойдётся. И чтобы первый завтрак прошёл весело, явился сам вести тебя в столовую, дочь моя, — появляясь во фраке и открытом белом жилете, блистая красую, сказал Флорентиец. — Тебе неудобно и неловко в доме отца, каким ты меня признала, в обществе мужа, которого любишь, быть с открытой шеей и руками? Это предрассудок, дитя. Брось его. К чистой женщине, к её чистым мыслям не могут прилипнуть ничьи грязные взгляды и мысли. Тебе придётся бывать в большой толпе с открытыми плечами. Привыкай и помни одно: атмосфера чистоты несносна злу. Оно бежит от неё. Надо в себе иметь что-либо злое, чтобы зло могло тебя коснуться.

Он взял из рук Николая футляр, открыл его и вынул два крупных камня грушевидной формы, зелёный камень и бриллиант на тонкой цепочке из этих же мелких камней.

— Позволь мне надеть тебе на шею эти камни. Белый дарит тебе твой дядя Али — камень силы. Зелёный даю тебе я — это камень такта и обаяния, камень чистоты и умения приспособиться ко всем обстоятельствам жизни.

Он надел на шею Наль цепочку, и камни заиграли на белых кружевах. Наль подняла свои огромные глаза и головку со слезами в глазах и улыбкой на устах. Рядом с величественной, громадной фигурой Флорентийца, на прекрасном лице которого отражались мир и гармония, она была похожа на ребёнка.

— Возьми мою руку, как тебя обучил этому Николай, и пойдём в мою комнату. Там ты встретишь двух моих друзей. Не растеряйся, если они поцелуют тебе руку. Если количество блюд за завтраком будет тебя смущать или ты не будешь знать, как их есть, посмотри, что делаю я или Николай — мы оба постараемся показывать тебе все фокусы моды и этикета, называемые воспитанием, так, чтобы, кроме тебя одной, этого никто не замечал. Пользуясь правом хозяина дома, я буду тебе накладывать первые блюда сам. А затем, когда ты поймёшь, как это делается по здешним требованиям, ты, возможно, сама захочешь рискнуть и сделать это для меня или для мужа.

Сойдя с лестницы, Флорентиец ввёл Наль в свою зелёную комнату.

— Как прекрасно здесь! Какой балкон! Сколько книг, почти столько же, как у Николая.

— Гораздо больше. Здесь, подальше, есть одна из лучших библиотек, какую можно встретить в частном доме, Наль, — сказал Николай жене.

Раздался стук в дверь, и один за другим вошли в комнату двое мужчин, которых хозяин приветствовал очень сердечно и, взяв их обоих под руки, подвёл к Наль.

— Позволь тебе представить, Наль, моих двух друзей. Это — лорд Мильдрей, а это просто индус, студент Оксфордского университета, Сандра Сатананда. Для тебя — просто Сандра. Он ещё мальчишка и, наверное, будет играть с тобой в куклы. Моя дочь, — закончил Флорентиец.

Лорд Мильдрей, человек на вид лет под тридцать, плотный, серьёзный, с большими, добрыми и пронизательными глазами, приветливо улыбался. Низко кланяясь, он почтительно поцеловал руку Наль, подал ей две розы и молча отошёл. Он был, видимо, поражён и красотой Наль, и тем, что у Флорентийца оказалась дочь, о чём он раньше не знал.

Сандра, смуглый, с живыми, блестящими, чёрными как уголь глазами, напомнившими Наль об Али, не мог сдерживать смеха при упоминании о куклах. И зубы его, белые на смуглом лице, сверкали, точно мраморные.

— Простите, графиня, но ваш отец заставил меня сразу выскочить из всех рамок установленных приличий, которым меня так долго и терпеливо обучает мой друг, лорд Мильдрей. Будьте великодушны к оксфордскому отшельнику, не так давно приехавшему из Индии, и для первого раза — простите. — И Сандра поцеловал протянутую руку так сердечно, что Наль почувствовала себя с ним очень просто.

Тонг ударил вторично, Флорентиец подошёл к Наль и повёл её к столу. Стараясь как можно увереннее идти, Наль не могла скрыть удивления, когда они вошли в столовую, где высокие стены и потолок были из резного тёмного дерева. Флорентиец подвёл Наль к длинному столу, где стояли приборы только на одном конце стола, и посадил её на место хозяйки, на узкой стороне стола. Поклонившись Наль, он занял место по правую её руку, по левую руку сел Николай, рядом с ним лорд Мильдрей, а Сандра возле Флорентийца.

Оказавшись в первый раз в жизни в обществе мужчин не только без покрывала, но ещё с открытой шеей и руками, Наль чувствовала себя совсем расстроенной. И только сознание, что рядом с ней её верные защитники, которым она вручила добровольно свою судьбу, помогло ей наблюдать, что и как они делали, и учиться жить по-европейски. Она старалась забыть о себе и думать только о них, как бы скорее перенять всё и облегчить их заботы о ней.

— Ну, Сандра, как идут твои уроки воспитания? — улышалась она голос Флорентийца.

— Из рук вон плохо, — сверкая снова всеми зубами, весело смеясь, ответил индус.

— Неужели всё ещё бегаешь по улицам, шагаешь через три ступеньки по лестницам и не помнишь, из какой рюмки какое вино надо пить?

— О, много хуже, лорд Бенедикт, — ответил Сандра, немало удивив Наль таким обращением к Флорентийцу.

Она с удивлением взглянула на Николая, говорившего ей так недавно, что у Флорентийца иного имени нет. В глазах Николая засветился юмор, но ответа на её немой вопрос он никакого не дал.

— Мои таланты к усвоению внешней галантности приводят в отчаяние моего доброго наставника. Куда бы он меня ни ввёл, я в том доме непременно оскандалюсь и уже вторично не рискую и являться, что немало печалит меня, — со вздохом признался Сандра.

— Зато таланты моего молодого друга в науке настолько поразительны, — вмешался лорд Мильдрей, — что он сразу перепрыгнул через два курса и сдал недавно работу, которую весь профессорский синклит счёл гениальным произведением.

— Я вам многим обязан, граф, — сказал Сандра, обращаясь к Николаю. — Обе ваши книги, изданные вами под именем капитана Т., как и последняя ваша брошюра о технике и математике, в связи с движением механики по неизбежным законам математики, дали моей теме такой основательный фундамент, что мне стыдно принимать одному похвалы за свою работу. В предисловии я упоминаю об источнике моего вдохновения, то есть о вас.

Удивление Наль возросло непомерно. Лёгкое прикосновение руки Флорентийца вернуло её на землю.

— После завтрака я расскажу тебе, Наль, об одном моём молодом друге, имя которого Лёвушка. И объясню, чем ты мне сейчас его напомнила, — тихо сказал Флорентиец Наль, пока между Николаем и Сандрой шёл учёный разговор.

Воспользовавшись минутным молчанием, Флорентиец спросил Сандру:

— Всё же ты мне не объяснил, за что тебя не пускают вторично в приличные дома.

— Ах, лорд Бенедикт, это целая трагедия. Только что лорд Мильдрей толковал мне, как надо кланяться дамам издали. Идти за ними надо осторожно, чтобы не оборвать оборок на их шлейфах, и так далее. Я все это учёл как следует, довёл свою даму до места и подал ей чашку чая. Начал я с нею, по моему суждению, самый светский разговор, как тётка нашла его мало приличным, подседа к нам, чтобы направить нас на самые модные темы, и ввернула под мои ноги свой несносный шлейф. Ну конечно, когда я встал с места, её юбка отскочила от пояса, это было так смешно, что я и многие другие рассмеялись. Виноват ли я, что вся техника её платья заключалась в булавках у пояса?

— Он, видите ли, лорд Бенедикт, завёл с её дочерью разговор о курицах и телятах, — снова вмешался лорд Мильдрей. — Ну, сами понимаете...

Звонкий смех Наль утонул в общем смехе.

Вставая из-за стола, Наль несколько раз попробовала, крепко ли сидит на месте её юбка, чем насмешила всё подмечавшего Николая. Перейдя в гостиную, которой Наль ещё не видела, она удивилась тому, что золотистые обои, мебель и портьеры с коричневыми кистями и мелким бордюром из белых лилий были почти одного тона с её платьем.

Флорентиец предложил Наль самой подать всем гостям маленькие чашечки кофе. Наль сделала это с такой особенной грацией и изяществом, что Сандра воскликнул:

— Клянусь всеми богами Востока, что, если бы лорд Бенедикт не поразил меня сегодня, познакомив с вами как с его дочерью, я готов был бы присягнуть, что вы приехали с Востока.

— Я тебя ещё больше удивлю сейчас, — поглядев серьёзно на Наль, сказал Флорентиец. — Завтра моя дочь выходит замуж. Обряд венчания должен совершиться без всяких пышностей, толпы и оповещения. Ты говорил мне, что у тебя завёлся поклонник твоей мудрости — пастор. Не может ли он совершить обряд, ни о чём нас не расспрашивая, не требуя оглашения?

— Помилосердствуйте, лорд Бенедикт, когда же я вам говорил, что он поклонник моей мудрости? Он просто мой большой приятель, прощающий мне мои погрешности в этикете. Человек он исключительно честный и добрый и рад всем услужить. Я немедленно к нему отправлюсь и сообщу вам его ответ.

Проглотив кофе, Сандра встал, чтобы исполнить желание хозяина.

— Для ускорения дела садись в мой экипаж и, если сможешь, привези пастора сюда. Здесь он увидит сам жениха и невесту...

— И не устоит против чар невесты, — смеясь, перебил Флорентийца Сандра. — Еду, ручаюсь, что привезу пастора.

Отдав общий поклон, Сандра вышел.

— Вы не откажетесь, лорд Мильдрей, быть свидетелем на свадьбе моей дочери? — спросил второго гостя Флорентиец.

— Сочту большим счастьем присутствовать при соединении двух людей такой красоты. Я думаю, что, если бы я мог прожить ещё десять жизней, второй такой свадьбы я уже не увидел бы, — ответил лорд Мильдрей.

— Вы совсем переконфузили Наль, — рассмеялся хозяин.

Лицо Наль было задумчиво, даже немного печально. Кажалось, она даже не слышала, о чём говорили вокруг.

— Отец, я хотела бы написать дяде Али. Письмо моё, конечно, не успеет до завтра к нему. Но всё же я хотела бы ему написать.

— Другими словами, ты желаешь нас покинуть до приезда пастора. Ну что же, как нам ни приятно твоё очаровательное общество, уж так и быть, мы перенесём часа два-три разлуки. Ты можешь не торопиться, пастор живёт на другом конце Лондона, и одной дороги к нему минут сорок.

С этими словами Флорентиец проводил Наль до двери и открыл её перед ней, кланяясь и улыбаясь ей.

Вернувшись к себе и застав Дорию за разборкой сундуков, Наль была удивлена количеством помешавшихся в них вещей. Но на этот раз, едва взглянув на ряд красивых платьев, она сразу перешла в свой будуар и, плотно закрыв дверь, села за письмо Али.

«Мой дорогой дядя Али. Сейчас я живу в Лондоне, в доме человека, которого никогда не знала и не видела, и в моей жизни совершаются чудеса одно за другим.

Сейчас я расскажу тебе, мой любимый дядя, о первом и самом великом чуде, совершившемся сегодня. Я знаю, что не найду точных слов, чтобы его выразить. Но также знаю, с раннего детства знаю, что, если только я всем сердцем тебя зову, ты тотчас же отвечаешь мне. Ах, вот и сейчас так ясно вижу твои чёрные глаза, добрые, благословляющие. Их лучи точно проникают в меня, согревают. И теперь я знаю, что найду нужные слова, — ты поймёшь всё, что мне необходимо тебе сказать.

Дядя, как могло случиться, что, выращенная, воспитанная, скажу прямо — созданная тобой, я ни разу не назвала тебя отцом? Ты и я — это для меня как бы одна плоть, один дух. Я всегда, везде, во всём точно где-то сбоку возле тебя. Я — часть тебя. Меня немислимо оторвать, потому что сердце моё слилось с твоим, а образ твой — он как бы сверкает у меня между глаз, я будто ощущаю его вросшим в мой лоб.

Отец ли ты мне после этого? Отец. А между тем, имея всё в жизни от тебя, через тебя, всё — от детства и защи-

ты в нём, до любви и мужа, — я никогда не сказала тебе этого слова. А здесь, сегодня, неведомый мне доселе твой друг Флорентиец взял меня на руки — и сердце моё утонуло в блаженстве и сказала: «Отец».

Когда я увидела его, мои уста повторили это слово и выдали ещё одну тайну, скрытую в сердце: что жить без него, того, кому я сказала «отец», я уже больше не смогу.

Тебя нет со мной, но как ясно я сейчас вижу тебя в твоём саду, точно я рядом с тобою, и я живу. Я уехала от тебя, дядя, не без скорби и тревог, хотя сила твоя — я её чувствую — трепещет во мне так же, как жила и трепетала при тебе и с первых минут разлуки с тобой. Я уехала за мужем, которого ты мне дал. Я все это время дышала, жила, любила. Но теперь, если бы жизнь повернулась так, что из неё для меня исчез бы тот, кому я сказала «отец», — я бы уже жить не могла. Разве только подле тебя, дядя, той силой, что лилась и льётся в меня сейчас от тебя. У меня такое чувство, точно я тебя обокрала. Точно я взяла у тебя кусок жизни, врезалась в неё, а возвращаю тебе часть любви, а не всю любовь до конца.

Но ведь на самом деле это не так, дядя Али. Ты для меня — всё, вся суть жизни. Если бы ушёл из жизни ты, я ушла бы даже не от тоски, а как часть тебя, хотела бы или не хотела бы я этого, выбирала бы или не выбирала бы я себе такую долю.

Главное в моей теперешней жизни — это он. Тот, кому я сказала «отец». Не знаю, поймёшь ли ты меня, я так путано выражаюсь. В нём, в отце, светит такое обаяние, такой радостью веет от него, точно какой-то путь из света тянется за ним и перед ним. И мне не надо закрывать глаза рукой и говорить, как тебе: «Дядя Али, убери свой свет, он меня ослепляет». Его свет я не только выношу — он мне несёт блаженство. От твоей силы я падала, точно разбитая, а его